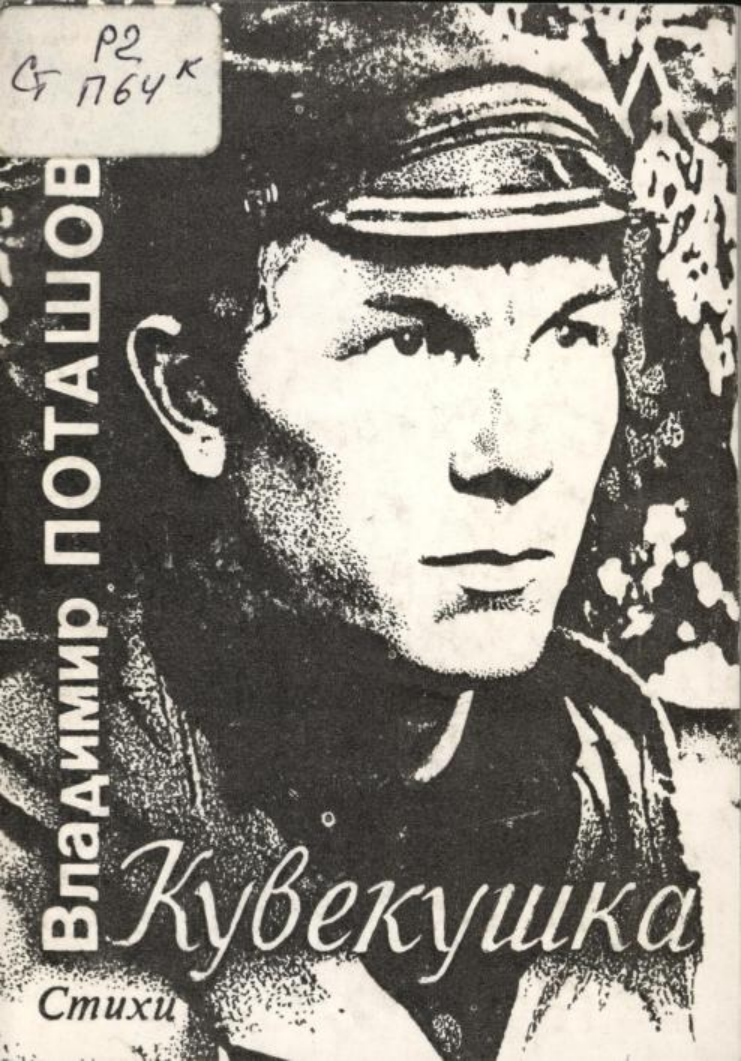

Р2
СГ 1764 К

Владимир ПОТАШОВ

Кувекушка

Стихи

ГУК Кемеровская областная
библиотека для детей и юношества

134794

русская
сибирская
поэзия

Владимир
ПОТАШОВ

Р2
СГ 764 К

Жувежушка

СТИХИ

Издательство «Сибирский родник»
Кемерово 1995

ЗЕМЛЯ, ЛЮБИМАЯ ДО БОЛИ...

И холода не пройдены,
И косточки б согреть,
И некуда от родины
Едиственной лететь.

В этих простых строчках Владимира Поташова в сущности и заключен глубинный смысл поэзии одаренного поэта.

Рожденный в 1941-м, с первых дней своей жизни побывавший с матерью в фашистском концлагере, он познает впоследствии всю горечь наших советских тюрем, зон и лагерей, и — не сломается, не утратит таланта и человечности.

Отец поэта, Тимофей Ефимович, погиб на фронте, а мать, Анна Ивановна, — в автомобильной катастрофе в 1946 году, и Володя оказался в детском доме. Все его наследство: два креста, две могилы отца и матери на Псковщине да значок «Отличник ВМФ»... Однако он ошибался, когда говорил так, ибо высшее наследство было даровано ему — высокий чекан настоящего поэта.

Исполнен ребячьего хмеля,
Не я ль у Петровских ботфорт
Стоял в фезеушной шинели
И чист, и наивен, и горд...

Цитировать его можно бесконечно. Настоящая, незамутненная поэзия светится в стихах. Отноше-

ние к слову у Поташова — это отношение само-
бытного мастера; но даже прямолинейное словцо
«братан» при обращении к читателю — не кор-
бит, т. к. он плоть от плоти земли и эпохи, он
естественен, прозорлив, а не манерен.

Предчувствуя смерть, он говорит о том, что
можно еще постоять у больничного окна: «Пока
ни скальпелем, ни плугом мою не развернули
грудь...». И спрашивает: «Отчизна, горестью ка-
кой меня одаришь напоследок?..».

Перед смертью Володе неслыханно «повезло».
Выходила (не дождался) книжка, стихи напеча-
тали в альманахе «Огни Кузбасса», в газетах, он
выступил по телевидению... и все его гонорары
ушли на единственный новый костюм и ботинки,
в которых он был положен в гроб. Но его лю-
бимая женщина, друзья, проводившие в послед-
ний путь, помнят его по стихам:

Это я ухожу, это я ухожу, смотри,

Улыбающийся и жующий травинку...

Семен Печеник

КУВЕКУШКА*

Зазывая, трубя, токуя,
В кухованье томясь, в ауканье,
Плыло лето в пыльце пустодюя
Одуванчиковой завирухою.

Плыло лето в цветном кокошнике,
С косовьем, с пестерьком да здравицей,
Хоть горстями гребни, хоть лукошками —
Не убудет его, не убавится.

Свиристело в любовном щебете —
Я такого не помню богатого —
Облака проплывали, что лебеди,
Ветвь качалась в рогах сохатого.

А над лугом, над задорожьями,
По-над травами чуть поблекшими,
Надрываясь, кричал кувекушка,
Раскидав свои крылья тревожные.

* На северо-западе России кувекушка — луговой чибис. (Прим. автора.)

* * *

Мое начало не с окраин,
Где вечный лист иль вечный лед.
Я рос, где ивушка печальная
Из тихой речки воду пьет.

И там, где льны цветут доверчиво,
И девушки тем льнам под стать.
Чужому капли этой нежности
Не замутишь и не обнять.

Я весь оттуда. Там зачатъе.
Купель моя и колыбель.
И вся печаль моя и счастье,
Беда и радость, боль и хмель.

И где б ни жил, какой стихии
Ни пригубил, наступит час,
Отыщет, скрутит ностальгия
И есть не даст, и спать не даст.

ЗЕМЛЕ

Земля, любимая до боли,
Как вехи, врезались, востры,
В мою судьбу, в мои мозоли,
Твое картофельное поле,
Твои кострища и костры.

Ты разметнулась — не истопать,
Слезой людской не оросить.
Ужели я мастак лишь лопать
Да милостей твоих просить?

Пусть тяжело от злых правдишек,
Что бьют с ухмылкой под дых, —
В тебе ж ниспосланная свыше
Одна, святая из святых,

Что с буквы пишется заглавной
И так глядит, что свет не мил,
С пятиконечных звезд кровавых
По изголовьям могил.

Беру ту Правду за основу
Всего, что мне предложит рок,

Пускай суровым будет слово
И трудным будет мой кусок.

Поверь, земля, пока живется,
Покуда твой топчу песок,
Моя стезя не повернется
Твоей судьбе нанскосок.

Мне рук не мыть в крови лебяжьей,
Мне колос разминать в горсти
И на краю могилы влажной
Сказать последнее прости,

И душу живу и повинну
И тяжкую свою любовь —
Они твои от крови кровь —
Сложить к ногам, как должно сыну.

Исполнен ребячьего хмеля,
Не я ль у Петровских ботфорт
Стоял в фезеушной шинели
И чист, и наивен, и горд.

Матросы шагали проулком,
Мелькали девчачьи платки,
И весело, буднично, гулко
В порту заливались гудки.

Вишу на подножке трамвая,
Разинув по-галочки рот,
Потом ленинградка седая
Мораль мне за это прочтет.

Я с этой старухой не спору,
Я выучке будто бы рад —
Старуха седая, как море,
И строгая, как Ленинград.

Давно это было, признаться,
Как росчерк минувшего сна.
И лет-то мне только пятнадцать,
Всего лишь пятнадцать, пятна...

Рыжее полоска заката,
Ограда повита плющом,
И все это было когда-то
И будет, наверно, еще:

И ржавь на мортирах кургуzych,
И Петр на тяжелом коне,
И вечная юная муза,
Звездою светящая мне.

СТАРОЕ. ФОТО

На снимке я изображен
Стоящим в полный профиль.
В тот день я был занаряжен
На склад грузить картофель.

Тогда, лопату сжав свою,
Свой инструмент козырный,
Я грудь выпячивал в строю,
Стоя по стойке смирно,

Поскольку вписан в общий строй
И стал, как говорится,
И боевой, и строевой,
И прочей единицей.

И столько рвения во мне,
Так кровь кипит-играет:
Сияет бляха на ремне,
Погоны плечи давят.

И вот тружусь часов с восьми,
А сам соображаю,
Что не снаряды, черт возьми,
Картошку разгружаю.

И самолюбно вредит
Столь мирное занятие,
Что мной завхоз руководит
В партикулярном платье.

И про картошку как продукт
Остриг в манере лестной
Со мною некий штатский фрукт —
Фотолюбитель местный.

А я шурую, я — молчок:
Что в зубоскальстве толку?
А он хохочет: «Морячок,
Давай на память шелкну».

Теперь его хулить грешно
За снимок нерадивый:
Я, право, выглядел смешно
В кружочке объектива.

Такая истовость во мне —
Я грозен, прямо скажем,
Но нечто было в этом дне
Торжественное даже.

Я был защитником страны,
Ее достойным сыном.
На мне рубаха и штаны
Из грубой парусины.

Я в боевом стоял строю,
На мир смотрел героем,
Поскольку знал, на чем стою
И что стоит за мною.

Я исполнял страны приказ
Как представитель флота.
Я, наступи заглавный час,
Огонь пройду и воду!

И если вспомнить этот день, —
Черна была работа,
Но бескозырка набекрень
На этом самом фото.

* * *

Какое счастье — головокруженье
От волшебства погоды штилевой:
И белыми ночами, и сиренью,
И мокрыми цветами, и травой —

Как пахнет море! Свет какой короткий, —
Ни всполохов ночных, ни криков птиц.
Мы обалдели, выйдя из подлодки,
От тишины, не знающей границ.

И удивились воздуху и штилю:
В такую ночь такая гладь и тишь,
Такие сны, такие мысли плыли,
Такие чувства головы кружили,
Что не запомнишь и не повторишь!

Как птицы опьяняются полетом,
Как самый воздух напоен вином,
Так весь состав торпедного расчета
По всем приметам тронулся умом.

И сопки, словно белые медведи,
Шатаются в сиреневом дыму,
И нам еще всю ночь стоять на рейде
И белой ночи слышать ворожбу.

Далекой и застенчивой моряной
Дышала глубина материка.
Ребята собирали чемоданы,
Ребята разъезжались в отпуска.

Кусочки моря в гюйсах голубели,
За поездом тянулись крики птиц.
Так море выходило за пределы
Своих географических границ.

—468058—
Кемеровская областная
детская библиотека
им. А. П. Гайдара
Основной фонд

* * *

Троца и стог. И ястреб на стогу.
На всем покой, размеренность движений.
Когда-то здесь отшельник Аввакум
От бед мирских нашел уединенье.

Мне по сердцу вдали от городов
Распахнутость хлебов по глади равней,
И гуд высоковольтных проводов,
И крест над деревянную головней.

Где осенью болотный водостой,
Не от рябины ль воздух сладко-горький,
Где по полям, белея берестой,
Бегут березки — славные поморки.

А рядом море. Свежесть от воды.
Отчетливы приливы и отливы.
Морской песок, и заячьи следы,
И мерный рокот воли неторопливых.

От луговин несет землею прелой,
Немыслимым брожением, вином,
А море пахнет рыбой и хлореллой,
Небытием и таинством полно.

Земля и море. Бытие и думы.
Вода и твердь. Граница, грань, гранит.
И кажется, о тайнах Аввакума
Здесь скажет все. Но все, увы, молчит.

Вода и камень. Скрип и полусшепот
Песка и гальки: все ни явь, ни сон,
Ни тяжкие раздумья протопопа,
В которые никто не посвящен.

Дойти ли мне когда до этой темы?
И что за ней последует — бог весть?
Есть рок и изначальная дилемма:
Земля и море.
Что же предпочесть?

* * *

Баян, уважаемый всеми,
Не очень уж складно поет
О том, как в теплушках на Север
Нас пятые сутки трясет.
Матросские робы час к часу
Дубеют от грязи, хоть плачь!
Сейчас сигануть бы на насыпь
Да метров хоть сто пробежать.
Сейчас бы с высокой печалью
Остаться один на один:
Пахнуло морошковой вялью
С задумчивых болотин.
Березки в веснушках и гуси,
Высокий болотный ковыль...
Казалось, незримые гусли
Вещают древлянскую быль.
Иль чудятся эти мотивы
Под хмель багуна да сосны?
И словно бы есть это диво,
И нет его — только дохни!..
И я, не знававший доселе
Такой простоты и тиши,
На нарах вагонных про Север
Изламывал карандаши.

РОГОЗИНСКАЯ МЫЗА

Средь замшелых развалин речные излуки,
Тополя разомлели под солнечной ризой.
Как красиво на солнце свернулись гадюки
На камнях твоих, Рогозинская мыза!
Здесь на барских могилах нерусские меты
Поросли резедой и кустом краснотала.
Шелестят тополя от бездомного ветра,
Как свидетели грозные злого пожара.
Я в поля ухожу, в заповедные звуки,
В травяные стозвоны, взошедшие властно.
И зловеще шипя, уползают гадюки
Под фамильные плиты нерусских династий.
Вот так участь тебе, Рогозинская мыза, —
И купель, и погибель российское поле!
Из-под ног вылетают искристые брызги —
Косарям, косарям-то какое раздолье!

По избам, на стенах заветных,
Не густо картин и икон,
Здесь душу волнуют портреты
Минувших военных времен,
С которых солидно и чинно —
Такими и были, поди, —
Серьезные смотрят мужчины
С медалями на груди.
С других, осознавшие крепко
Суровую участь страны,
Сторожко глядят из-под кепок
Глазастые пацаны.
И сколько их, смуглых и русых,
Поправших и страхи и смерть,
В деревнях, по избам по русским
Со стен продолжает смотреть.
А где-то, под гнетом бетона,
В земле над нерусской рекой
Их кости по родине стонут,
А Родина-мать далеко.

ВЕЧЕРНИЙ ЗВОН

В душе затеплится огонь.
Коль в груди ржавого металла
Вдруг натывается ладонь
На лемех древнего орала.

И если конь, пройдя межой,
Случайно вывернет копытом
Сердечко, тронутое ржой —
Серпа овал полузабытый.

Орудия былой страды...
Витай, душа, в любви вселенской,
Но помни, помни сладкий дым
Из нашей кузни деревенской.

Она и по сей день стоит,
Та завалюха, а когда-то,
Когда-то Миша-инвалид
Работал здесь в пятидесятых.

И я любил в былые дни
Порог топтать, глазами лупать, —
Мальчишку хлебом не корми,
Ему железку дай пощупать.

А слушать четкий перезвон?..
Сравнимо ль что с тем чудным звоном?
Вот солнце падает за склон,
Как оковалок раскаленный...

Хоть лоб крести на благовест, —
Молитвен дым из кухни черной.
Вот в черном фартуке Гефест
Огонь помешивает в горне.

Вот око щурит на металл,
От жара заслонясь рукою...
Ух, как он молотом играл, —
Сегодня встретишь ли такое?!

Деревья гривами прядут,
Закат дымит, как хлеб ядреный,
Ведет симфонию труду
Инструментарий немудреный.

И где начало, где конец
У песни той — убей, не знаю, —
Киянки звонок бубенец,
Кувалда вторит вечерая...

И песне плыть, и сердцу млеть,
Ракитам плакать в сумрак летний,
А что еще-то, что, ответь,
Для сердца русского приветней?

МЕТЛА

Поистерлась метла, гляжу,
Вид не тот, что имела когда-то,
Дай-ка, думаю, пересажу, —
Поистерлась метла-то.

У завхоза тех метел навал.
«Тебе, — говорит, — любая».
Только я и не выбирал,
Взял, которая с краю.

На черенок ее насадил,
Подрубил, чтоб в бока не сучилась,
Этак и так ее покрутил, —
Мировая метла получилась.

Забыл про нее, и вдруг
В цеху, среди железного храпа,
У сердца моего участился стук —
До чего же знакомый запах?

Едва уловимый, иной,
Не из тех, которые по соседству,
Далекий такой, родной,
Напоминающий деревню и детство.

Запах леса, что ли, корья, хвои, —
Черт те что в мозговой кадрили?..
И вдруг ахнул: это ж ладони мои
Запах метлы березовой сохранили!

* * *

Эй, проснись и беги со двора, —

Коробейники прибыли с юга.

Не об этой ли вести с утра

Раскричалась на ветке пичуга?

И на кой тебе леший сдалась

Спячка эта, скажи на милость,

Подорожник-трава прорвалась,

Мурава за былье ухватилась!..

Не вчера ль еще дрогла земля,

А сегодня-то как обернулось:

Это чья там проснулась пискля,

Это чья там пичуга проснулась?

Это чья же, от листьев и трав,

Что за плакса в пеленках зеленых,

Не ее ли, над миром подняв,

Понесли, расписав на знаменах,

Чтоб, со звоном ударив о щит,

Возвестить, на круги возвращаясь.

Что за славная плакса пищит,

На зеленых качалках качаясь!

* * *

Вошёл, упал в сѐнной навал
И спал в пахучей этой спальне;
Все кто-то в губы целовал,
Как будто мама в детстве дальнем.
Я этот сон вспугнуть боюсь,
Как зов прекрасный издамече.
Предощущалось: вот проснусь,
Проснусь, мол, вот и счастье встречу.
Да так и ахнул: «Е-моё!» —
Когда глаза продрал спросонок:
Весь в пятнах солнечных телянок
Лицо облизывал мое.
Он тоненький какой-то был,
Был весь из нежности и страха,
Я как-то сразу полюбил
Слюнявую его мордаху.
К тому учеть сѐнной сарай
И прочие реалии.
Поэт, момент цени, валяй
Картинки пасторальные.

* * *

Колода дров. В росе, в озоне.
Береста что твоя слюда.
И только плюнешь на ладони
Да гукнешь, и держись тогда.

Летят поленья полукругом,
И хмель берет не от вина,
Когда натянуто, упруго
Катает мускулы спина.

И глаз остер, и мускулиста
В прожилках крепкая рука,
Топор играючи, со свистом
Как всадишь в сердце чурбака.

Поленья брызгают смолою...
И не на́радуется мать,
И не нахвалится тобою,
Придя к обеду приглашать.

И вовсе не устанешь вроде,
Хотя и нажил волдыри,
В охотку ведь, в такой работе
Есть сладость, что ни говори.

* * *

Выгон. Скот за жердями.
Поле. Скирды. Жнивье...
Как ты там, под дождями,
Захолустье мое?

Молодь на руку скоро, —
Чём не люб только край? —
Вот бежит она в город,
Будто в городе рай.

Не земельные ж корни —
Жизнь как жизнь у крестьян:
Вечерами колхозник,
Знай, глядит на экран.

Не при черствой краюхе
Попивают чай
Старики да старухи —
Могикане твои.

Мне вернуться бы снова, —
Сесть в автобус не труд,
Да в краю том ольховом
Меня вовсе не ждут.

Никому не знакомый,
Никому не родной.
От отцовского дома
Щебень только сырой.

Жестким ветром приبلудным
С мясом вырванный лист,
Я деревне не трудник,
Только нет, не турист:

Пальцы стиснув до хруста,
У могил постоять —
Это смертное чувство
У меня не отнять.

Знаю, поздно ли, рано
Соловьи отпоют,
На угорах песчаных
Кости наши сгниют.

Так от южного зноя,
От сухих ковылей
На болото родное
Тянет клин журавлей.

И не вспомнить без грусти
Поле, скирды, жнивье...
Как ты там, захолустье
Золотое мое?

* * *

И приветливость во взгляде,
И следы былой красоты,
И подзорник на кровати,
И стенные бьют часы.

Всё стучат себе, как будто
Не коснулось время их.
Умиляешься уютом
Тех годов сороковых:

И голубенькие шторы,
И погорбленный комод,
И картина, на которой
Лебедь белая плавает.

На стене портрет солдата —
Отливает чуб смольем.
«Собиралась жить богато
За военным королем.

Молода была, красива.
Не моя, видать, вина —
Собиралась жить счастливо,
Собиралась, да война...

Говорят: мол, жизнь не пята,
А мелькнула, как во сне...»
Нервно дергаются спицы,
Рвется нитка мулине.

И на всем печать покоя:
Стены, старенький комод...
И сквозь все пережитое
Лебедь белая плывет.

* * *

Обидели. Спрячу обиду, —
Есть сердце — кладовка обид, —
И в поле широкое выйду,
А в поле береза стоит.

Есть к этой березе дорога,
И есть состоянье понять,
Как во поле там одиноко
И грустно березе стоять.

Когда-то здесь лес корчевали,
Тот чох до сих пор на слуху,
Рубили без всякой печали
Ракиту, осину, ольху...

Бывают такие минуты,
Когда понимаешь, кажись,
За что только ей, не кому-то,
Березе — оставлена жизнь.

То поле потом распахали,
Березку не тронули вновь.
В зеленом своем опахале
Одна средь высоких хлебов.

Красива, мила, симпатична,
Одна среди ровной земли,
Подружек ее закадычных
Давно уже в печках пожгли.

Стоит словно на поле вежа,
Бунтует как вешний ручей,
Что трактор по ней не проехал,
Топор не поднялся ничей.

* * *

Коль глядеть от буерака,
Двор видать издалека.
На цепи сидит собака,
Злобно воя в облака.

По двору, кряжист и важен,
Ходит сам с лицом квасным
За надежным этим стражем,
Как за валом крепостным.

За оградой за плотной
Погреба, сарай и клеть, —
Вряд ли сыщется охотник
Эту крепость отпереть.

Даже проволокой колючей
Оцепил свою межу.
Я мирок этот паучий
Стороною обхожу.

* * *

Суземное хмурое жито.
Какой-то бредовый настой.
Пониже ольха да ракета
К болоту бредут на постой.

А выше, по кротким погорьям,
К задворкам бока притулив,
Столпилось отчее горе —
Земля, где бредняк да комли.

Скупая землица-усллада,
Хоть болью полна по края,
Да манны небесной не надо,
Какая ни есть, а своя.

Я — пшик для дерезни для этой,
Ни к кузне, ни к пашне не гожд,
Таких вот заблудших по свету
Еще колесит — не сочтешь.

И где доканает истома
Таких горемык-непосед,
Уж в пору бы к отчему дому,
Да отчего дома-то нет.

ОБОИДЕНА

Постучится поздно ночью,
Тихо скажет: «Не суди».
Ой, как душно, нету мочи
На крутой его груди.

Он тебя обнимет жарко,
И заполнит все вокруг
Запах хвои и солярки
От его тяжелых рук.

Некрасив, с лицом вошеным,
Чем он только сердце взял?
Трест с названием мудреным
Не к тебе его прислал.

Все слова о работагах,
С кем трелюет дерева,
Ну, а ты молчишь, сердяга,
Ты другие ждешь слова.

Истечет командировка,
Расставанием грозя,
Дальше что? — спросить неловко
И не спрашивать нельзя.

Ведь уедет, сердце чует,
Было счастье — улетит:
Вот приходит, вот ночует,
А в глаза-то не глядит.

Толку плакать, не девчонка —
Брови подведенные,
Не вдова, не разведенка, —
Значит, обойденная.

Он чуть свет щеколдой грохнет
И легко себе уйдет.
Разве только куры квохнут
Да кобель брехнет.

* * *

Разошлись с поминок гости,
Нету слез — суха щека,
Нынче Дарья на погосте
Схоронила мужика.

Над избой, прижитой вместе,
Наклонились кныи верб.
Обещал жених невесте:
«Есть сухой не будешь хлеб».

Видно, так судьбе угодно —
Красоту с лица не пить, —
Только надо ж, в год голодный
Коркой хлеба соблазнить!?

Бабий век и так не сладок,
А мужик все хмур да зол,
На вино не больно падох,
Больно на руку тяжел.

Все на краешке сидела
В доме этом, возле верб,
Верно: хлеб сухой не ела,
Со слезами ела хлеб.

* * *

Пожелаю быть богатым,
Деньги в стопочку сложу,
В узелок — да всю зарплату
За божничку положу.

Как набью одну кубышку,
Да прилажу рубль к рублю,
Мотоцикл за тыщу с лишним
С люлькою себе куплю.

А когда скоплю по новой,
Покрушусь, поохаю,
Да в бору себе сосновом
Особняк отгрохаю.

Да пристрою клеть и стайку,
Да плетнем обгороду,
Симпатичную хозяйку
На крылечко посажу.

И себя к такой картине
С бороною рыжею...
Да на первой же осине,
Коль веревка выдержит.

КОЧЕВНИК

В ковылях не пробита стезя,
Степь далёко бежит, далёко,
Оберучь обхватить нельзя,
С высоты не окинуть оком.

И на тягостное а-а-а...
Нету эха с другого края,
Лишь гудит по степи трава,
Что струна басовая.

Хоть курган какой иль бугор, —
Лишь ковыль, дороги не вымеришь, —
Одиночество, зной, простор —
Словно все вымерло.

Но, закинув глаза в зенит,
Вдруг увидишь, едва различимый,
Одинокий орел парит,
Не твоей ли он ждёт кончины?

А когда подойдет пора,
Отпоет тебе степь молитву,
Равнодушна, скупа, мудра,
Словно статуя глинобитная.

А сама будет дальше плыть,
Неизменна в своем величье,
Будут так же орлы парить
И уже над другой добычей.

И такие же небеса...
Только что тебе, сын пустыни?
Жир бараний течет с уса,
Сладко песню поет рабыня.

ШОФЕР

Пустить бы полем самосвал,
Проехать там, где сухо,
А в колее забуксовал,
Да так, что сел на брюхо.

Прикинул трезво: дело дрянь —
Сидеть в грязюке тамошней.
И, как назло, куда ни глянь,
Ни кустика, ни камешка.

Одно спасенье — сыпать рожь
В тенета эти вязкие.
Да разве на душу возьмешь
Грехи такие тяжкие?

* * *

Там, где тянутся к небу скрипучие сосны,
Пахнут корни и хвоя смолой раскаленной,
Выбегает дорога в простор сенокосный,
Где буянит разгул сенокосов зеленых.

Остановится конь, замороженный далью,
Что напоена солнцем от края до края.
И вздыхает, смеясь, бригадирша Наталья,
Запрокинув лицо: «Благодать-то какая!»

ПСКОВЩИНА

От посадской стремнины за Гельтову баню
До стены крепостной —

заповедная Русь.

Уголок старины.

Молчаливые камни,

Невозможные чувства, заветная грусть.

Сколько скажется здесь потаенного, отчего...

Осыпается бой со стены плитняка,

Осыпается труд безымянного зодчего —

Лебединая песнь из того далека.

Уголок старины — уходящее прошлое...

Типовые дома обступают окрест...

Завивает июль тополиной порошею.

Улетают птенцы из родительских мест.

Беспощадное время —

Не сыщешь защиты:

Где купецкие барки несли якоря,

Белобрый пацан с независимым видом

Деловито снимает с лесы пескаря.

«Измельчала, — ты скажешь, — Пскова,

Измельчала!»

С пониманием горьким с тобой соглашусь,

Только здесь оно бьет, ключевое начало,

Сизокрылая мечется горлица — Русь!

Сторона моя горькая,
Мать опальная,
Все приемлю, что есть
И что было когда-то:
Колыбельную песню, и речь повивальную,
И призывную медь вечаевого набата!
Ведь я русский
и духом, и плотью, и кровью —
Я рожден на Руси и по-русски крещен,
И твоим молоком,
И твоею любовью,
И в твоей колыбели вспоен и взращен!
И молитвы и тайны твои исповедую —
Твою добрую землю и гулкую высь,
Потому как люблю эту явь заповедную!
Потому как люблю,
благодарствую, жизнь!

СТАРЫЕ СЛОВА

Не избегаю слов потертых,
Простых, измученных, не новых,
На тех словах кровоподтеки
Всего былого.

В них вечный бой и жизни жажда,
Вот почему в любом краю
За слово, битое однажды,
Я два небитых отдаю.

То слово знает цену корки,
В нем суть веков и смысл основ.
И пусть порой бывает горько,
Не разлюбить мне вещей слов.

О, край мой, шорохи льняные...
Окошко отворишь едва
И слышишь старые, земные,
Простые русские слова.

* * *

Поэзия не в филантропстве,
Не в поучительности строк.
Но в том приподнятом сиротстве,
В чуть-чуть уловленном не впрок.
В крутые поветрий и инерций
Она сама находит путь —
На сквозняках того чуть-чуть,
В горниле разума и сердца.
Она — почти небытие
И суть ее,

итог и власть:

Не обмануть, не обокрасть,
Иначе грош — цена ее.

.

Не поднявшись до горних высей —
Что значишь ты? К добру? Во вред?
Ты не пророк, а бытописец,
Ты — гражданин, но не поэт.
Не на века, а на минуты...
И не помочь в такой беде.
Но отступить от славы дutoй?..
Но застрелиться — смелость где?..

В искусстве угождать народу,
Быть балаганным силачом
Себе — любимому — в угоду...
Но ведь читатель? Он при чем?

НА ЛИТЕРАТУРНЫХ МОСТКАХ

Как в годы былые, старушки
Прогуливают внучат,
Над куполом ветхой церквушки
Грачи-сторожилы кричат.

Сирень молодая дымится,
И в радостном шелканье птиц
Билеты, шпаргалки, косицы
Взволнованных учениц.

Все так непростительно вольно.
Ах, сердце слепое, очнись,
На истовый гуд колокольни,
На светлую явь отзовись!

Не к холоду склепов старинных,
Где стены обвили плющи —
Ищи закуток соловьиный
И тропку к бессмертью ищи,

Чтоб юную музу на муки
Свалить под гранитную твердь,
Пусть будет заламывать руки,
Краснеть за себя и бледнеть.

Под буквами с черным отливом
Достойно почтили мужи.
А что твой билетик счастливый
И школьная мудрость, скажи?

Когда, монолиты взрывая,
Гудит молодая трава,
Так вечность — старуха седая —
Не всем предъявляет права.

* * *

Седое небо над ходмом седым.
Бензоколонки стынущая будка.
Чернеющая нитка первопутка.
И деревушка жалкая, и дым.

И ретушью на сером кромка рощ.
И оторопь грядущего рассвета,
И изморозь, и этот лунный дождь
Над временным пристанищем поэта.

Над ветреною снежностью лачуг,
Где дым змеится струйками озноба...
Я подойду и молча помолчу
У синевы печального сугроба.

Имей бы я родительский причал,
Такой же вот заветренный и смерзший,
Чтоб у калитки пес меня встречал,
О валенок доверчиво потершись.

И так же месяц, стоя за двором,
Похрумкивал, как конь, снежком каляным,
И молодайка выбежит с ведром,
Распаренная запахом избяным.

Завидую тебе, уют чужой,
Чужая хворость и очаг печальный,
Моя ж жилплощадь — небо над душой —
Неизмерима меркой коммунальной.

Огонь зажгу над холодом полей,
В камине млечном запаю лучину,
Гори, звезда, звезда души моей,
Потрескивай, небесная лучина.

Линиями и кривыми линиями
Линиями и кривыми линиями
Линиями и кривыми линиями
Линиями и кривыми линиями

Линиями и кривыми линиями
Линиями и кривыми линиями
Линиями и кривыми линиями
Линиями и кривыми линиями

И парила, как сорванный лист,
И рыдала о сущем и прошлом...
Слишком сладко поешь, гитарист,
Непростительно сладко поешь ты.

Ах, как месяц на небе лучист,
Так куржою и стелет, и стелет!..
Завтра песню твою, гитарист,
Узкоглазый охотник пристрелит.

И, стакан первача осуша,
Будет птицей умягивать глотку:
До чего ж твоя песнь хороша
При луне, с черемшой да под водку.

* * *

От мусора очищены дворы,
На огородах ведилё сжигают,
И на проулках гомон детворы —
Там в казаки-разбойники играют.

Мы долго ждали, вот зиме конец,
И вдруг, бахвалясь щегольством нездешним,
Во фрачной паре новосел-скворец
Обхаживает ветхую скворечню.

Мы прозевали — время истекло, —
Как вдруг ветра прогорклые пахнули...
И на душе печально и светло,
Как будто в доме окна распахнули.

Еще во рту сосулек сладкий хруст,
А снег пропал, исчез, и нету следа,
И придорожный смахивает куст
На светлый фюзеляж велосипеда.

Орут скворцы, горланят нараспев, —
Что там творится, в ярмарочном грае?
И птичьими каракулями — ветвь,
Как символ в небе, а чего — не знаю.

Опьянена земля каким вином,
Колокола к каким сзывают битвам,
И дерево, как светлая молитва,
В какую высь нацелено оно?!

И на такой разгул голубизны
Любая тля выпяливает зенки,
И псы скулят; и прыгают на стенки,
И цепи рвут, шалея от весны.

И в такой разгул голубизны
Любая тля выпяливает зенки,
И псы скулят; и прыгают на стенки,
И цепи рвут, шалея от весны.

И в такой разгул голубизны
Любая тля выпяливает зенки,
И псы скулят; и прыгают на стенки,
И цепи рвут, шалея от весны.

И в такой разгул голубизны
Любая тля выпяливает зенки,
И псы скулят; и прыгают на стенки,
И цепи рвут, шалея от весны.

И в такой разгул голубизны
Любая тля выпяливает зенки,
И псы скулят; и прыгают на стенки,
И цепи рвут, шалея от весны.

* * *

Опять дрожащие, весенние
Твои обнажены колени,
Опять бессонница, брожение,
Опять безденежье весеннее.
И незапамятная, чистая
Внезапная струя в судьбе.
Чего еще-то, знай насвистывай,
Живи, посвистывай себе.
Но останавливает нервная
Пугливая твоя рука...
А на окошке ветка вербная
В бутылке из-под молока.
И пахнет талостью и дымом
От огородов и костров.
И так болезнь неотвратима,
И так пронзительна любовь!..
Как первые ошметья глины,
Как всхлип напуганных берез,
Как снисхождение до слез
Без видимой на то причины.
Как первый слог стихотворенья,
Как я пятнадцать лет тому...
И нету ни предназначенья,
Ни объяснения всему.

КУКУШКА

Полднем, гулким и коротким,
Жар когда стоит стеной,
Я люблю послушать четки
Ворожейки листвяной.

Чтоб стелила плачем дальним,
И не громко, не смурно,
А светло бы чтоб, печально,
Чтоб размеренно, земно.

Чем берет он, невеликий,
Словно давний детский сон,
Четкой паузы и крика
Колдовской диапазон?

Почему, не веря в ересь,
Ты горазд застыть в траве
И подумать и поверить
Горевальнице-волхве?

Отыскать в ее отсчете
Заплутавшее ау?..
Что, зегзица, напророчишь?
Где отпустишь тетиву?

СМЕРТЬ ЖАВОРОНКА

Он шмякнулся в кусты, в чертополох, —
Что там случилось, в необъятных высях?
Мир на секунду замер, мир оглох
От тишины, раздавшейся как выстрел,

И эха, отзвеневшего как медь,
Пронзительно-щемящего звучанья.
Мир наблюдал естественную смерть
И отмечал секундою молчанья.

И снова цвел, не ощутив вины, —
Что миру птица, этакая малость?!.
Подумать только, эхо тишины
От жаворонка звонкого осталось!

О, как душа безоблачно чиста,
Как радостно — такая в крыльях сила!
И бездною отверстой — высота!
И синь такая сердце защемила!

И он взлетел — назад не повернуть.
Он раньше пел, но чтобы так — впервые.
Как раздымает, как волнует грудь! —
Лишь выдержали б связки горловые!

Но ахнул мир, и эхо пронеслось
По капищам и празднествам окрестным:
Не выдержало сердце — взорвалось,
В грудной решетке не хватило места.

Мои ладони помнят эту смерть,
Солено-терпкий, липкий запах крови.
О, дай и мне однажды так запеть,
Чтоб сердце взорвалось на полуслове.

Сгребем ведильё в огороде,
Зажжем, посидим на меже, —
Как тихо, как сирю в природе, —
Но это и нужно душе.

Горит моя поздняя роща,
Ссыпает листы в огород,
Что может быть чище и проще,
Чем этот извечный отход?

Достойно проведенный сраженьё,
Сошел с корабля адмирал, —
Великого самосожженья
Свершается ритуал

На плахах, ристалищах, одрах,
Кострищах, просевших в золе.
Покурим, братан, и посмотрим,
Как стелется дым по земле.

ВОЛЧЬЯ ПЕСНЯ

Камлайте, пляшите на кромке загона!
Мы — жертвы на празднике волчьего гона.
Мы песни отпели на хищном наречье,
И путь наш последний флажками отмечен.

И вы торжествуйте, по звездам падайте, —
Недолго нам бегать по красной орбите
От лога до лога. Ведь в метком прищуре
Мы — как на ладони, до пятен на шкуре.
Нажал на гашетку — и счеты недолги,
И были ль на свете какие-то волки?..
Лишь черные птицы на пададь слетятся.
Но, клацнув затвором, зубами поклацай:
Ты платишь за страх, что накоплен веками.
По нежному горлу бы клацнуть клыками!

* * *

К земле прислушаюсь — гудит,
Войду в хлеба неяркие.
Вон одинокая стоит
Сосна и ворон каркает.

Суземные мои поля...
Кому пойду пожалуюсь —
Здесь от отцовского жилья
Щебенки не осталось.

Но здесь мне жить и помереть,
Лежать в недалней рощице...
А черну ворону лететь,
Куда ему захочется.

* * *

Средь земляничника веселого,
Что выбегает на межу,
Я запрокидываю голову
И так недвижимо лежу.

Зажмурюсь — сполох с неба падает
И долго звон в ушах стоит,
Когда незримою прохладой
Лесная рожь прошелестит.

Плененный звуками и красками,
Чего еще-то мне желать:
Лежать вот так под небом ласковым
И стебель солнечный жевать.

И с простотою первородною
Среди хлебов и облаков
Наедине с самой природою
Мечтать и думать высоко.

* * *

Дорога через жито,
И чибисовый лёт.
А вон стоит ракита
И будто слезы льет.

И я на поле этом,
С мокринкою у глаз:
Все пето-перепето,
А будто в первый раз.

И так рыдать хотелось,
Да вот не привелось,
Но плакалось, но пелось,
И родиной звалось.

РОССИЯ

Одним — камелек для покоя,
Другому — кипенье огня.
Но что нас равняет такое,
Тебя, и его, и меня?

Какая высокая птица
Подхватит, закружит, умчит:
И тех, кто лучинкой лучится,
И тех, кто пожаром горит.

И тех, не проросших травюю,
А с нимбом, обвившим чело,
Студило крыло снеговое,
Твое роковое крыло.

Года протекут чередою,
Замкнутся извечным кольцом.
Я был. Я братался с бедою.
Я вечным остался пленцом.

И ветры мне лоб остужали,
И пеплом ладони ожгло.
И ты — вся о вечном начале
Вскормить и поднять на крыло.

* * *

Во время оно, когда
Земля не впитывает влагу,
И мутно-желтая вода
Стекает к ближнему оврагу,

И вест холодом с реки.
И холодом несет из лога,
И дождевые червяки
Ползут по глиняным дорогам,

Когда незрелые с ветвей
Плоды срываются и — книзу,
Когда последний воробей
К сухому лепится карнизу, —

Мне время самое вздохнуть,
Рванув скрипучую фрамугу,
Пока ни скальпелем, ни плугом
Мою не развернули грудь.

И от окна не отойти,
Подумать и не удивиться,
Что можетиться, здесь, в больнице,
Конец и моему пути.

Не отойти. Стою один.
Дождины бьют по рамам мокрым,
И скрип качаемых осин
Через двойные слышен стекла.

Такая истовая страсть
И сила в набожности строгой...
И долго ль им поклоны класть
И мне существовать под богом?

И скрип осин, и скрежет крыш,
И кажется во тьме зеленой,
Что ты не у окна стоишь,
У проруби стоишь студеной.

Фонарь качнется за рекой,
Сорвутся птицы с черных веток...
Отчизна, горестью какой
Меня одаришь напоследок?..

* * *

Крутояр. Березы. Поле.

Хлеба зреющего вяль.

И глазам такая воля —

Без конца и края даль.

Медоносом млеют травы.

Трелей, звонов — несть числа.

Веселись себе на славу,

И букаха и пчела...

Зачарован, озадачен,

Встанешь вдруг — трава по груди,

Кто я есть и что я значу

В этом празднестве и гуде?

Почему во мне извечны

Невозможные вопросы:

Ты о чем куешь, кузнечик?

Ты о чем шумишь, береза?

* * *

Облака проплывали, и я говорил: «Облака...»
И деревья росли, и туманы по лугу бродили,
И красивые птицы прилетали издалека,
И красивые женщины мимо меня проходили.

И дожди свои вожжи протягивали — владей!..
И пока я беспечно лучшие годы растрчивал,
Кто-то незримый, творец, инженер, чародей,
В мире этом свои рычаги поворачивал.

Я дубы корчевал, я скалы в щебенку дробил,
Я оратаем был, и ваятелем был, и вонтедем,
Только отчую землю, видимо, странной любовью
любил.

Потому как по ней, по родимой, прошел
победителем.

И вот снова птицы прилетели издалека,
И чистые, как слезы прозрения,
Облака проплыли, и я сказал: «Облака...»
И деревья вытянулись, стройные на удивление,
И лето запаливает свои костры, —
Слышишь, играет веселая волюнка?
А я ухожу, это я ухожу, смотри,
Улыбающийся и жующий травинку.

* * *

По небу птичья кливопись,
Земля с теплом рассталась.
Все птицы к югу двинулись,
Немногие остались.

И с ними сад заохренный
И дождик этот редкий...
И вот сидит нахохленный
Воробышек на ветке.

И холода не пройдены...
И косточки б погреть...
И некуда от родины
Единственной лететь.

«Любимое развлечение русских крестьян — качели, что вполне согласуется с их врожденной ловкостью».

Астольф де Кюстин, 1836 г.

«Маркиз в Московии»

НУЛЕВОЕ БИЕНИЕ*

Качались тогда по-старинке:
Березовый сук вперехват,
Скамья да четыре жердинки —
И вот тебе весь агрегат.

А как я тогда, пацаненок,
На жердочках этих скрипел;
Хватило бы только силенок —
Под самые б ветки взлетел...

Туда меня сны уносили
От сладкой юдоли земной;
И стоило только осилить
Какой-то барьер силовой.

Я в этих законах вселенских
Не очень силен и теперь.
Поэзия дней деревенских,
Жива ль ты, старушка качель?

* Неоконченная поэма.

А помню, с утра до заката
Черемуха снегом метет...
Придут под качели девчата,
И кто-то гармонь разведет.

Не снилось братве голопузой,
Что скоро сорвутся на нас,
Закружат и румбы и блюзы, —
Любили мы, грешные, вальс.

Деды головами качали,
Курили, а песня плыла,
И вся из любви и печали,
Как бабья слезинка светла.

И вот побойчее девчушка,
Кокетливо кутаясь в шаль,
Плывет уже кругом с частушкой —
Какой без частушки скобарь?

Качели работы не просят, —
От них все веселье окрест.
И парни подружек возносят,
Как в песне, до самых небес.

Здесь бабы, и девки, и дети...
И хохот, и визг, и галдеж...
Свихнулось ли что-то в планете,
Но нынче не та молодежь.

Не знаю, с чего получилось,
Не тот перелив в голосах, —
Какая-то связь надломилась,
Какая-то стрелка в часах.

Икар, на жердниках распятый,
Куда ж ты в обличье земном?
А я от макушки до пяток
Уже в измеренье ином.

К ресницам прибитые слезы,
И грудь распирает — лечу!
Остынь, полевая береза,
Я миг этот помнить хочу.

Останься в глазах опаленных,
Пребудь надо мной до конца
Не веткой — хоругвью зеленой,
Склоненною возле лица!

Застынь в первобытном испуге
Над небом и над травой.
Тревожная птица над лугом,
И хохот, и плач луговой!

Останься навеки хрустален,
Серебряно-звонкий хорал
Моих травяных наковален,
Моих поднебесных цимбал!

Парите над телом взлетевшим,
Перстом заклиняйте меня
Любить этот мир замеревший
До самого смертного дня.

2

С. Петросиану

Деревня. Грачи над погостом,
Знакомое с детства раздолье:
Вон ветхой часозенки остов,
Вон чибис, летящий над полем...

Все дорого в местности этой:
Скамейка для грусти высокой,
Березовой просеки лента
И стук электрички далекой.

Да время, когда облетели
Листы с недалекого склона...
Сережа, а помнишь качели
В конце золотого сезона?

Ты помнишь, над парком старинным
Сонатой прозрачной и тонкой,
Как капля ультрамарина,
И наша взвивалась лодчонка?

Пора нескончания лета,
Любви и стихов бесшабашных...
Ты помнишь, метались по ветру
Матросские ленточки наши?

С древесным дымком от жаровни
Боржоми бутылка распита,
Спешащий на дачу полковник
Отметит: «Серьезный напиток».

А как улыбались девчата?!
Как мы на девчонок глядели?!
А годы-то, годы летели;
Вернуть бы их, только куда там...

Так мальчиком, чист и наивен,
Вдруг ойкнешь, и сердце замрет:
Вон радуга, вся в переливах,
Из нашего озера пьет!

Помчишься за горлицей ясной,
Примчал, но простыл ее след.
Лишь солнце — ржаным перевяслом,
А сказки, а радуги — нет.

Ах, мальчик, бегущий за чудом,
Жар-птицу не тронешь рукой,
Хрустальным останься сосудом,
Наполненным горной водой,

Я верю в свой миг высокосный...
Светильник тех дней не погас:
Светла царскосельская осень,
Свободен немеркнувший глас.

Сережа, товарищ далекий,
Мы стебли от славных корней,
Мы дети той песни высокой,
Мы в землю опустимся с ней!

Вон птаха летит полевая,
Вон просеки белый проем, —
На всем эта связь корневая:
На сердце, на теле — на всем!

И высшее счастье на свете —
Каким-либо утром седым
Особенно остро отметить
Отечества горечь и дым.

3

Люблю приехать в Царское Село,
Когда печальный дым над тополями
И как-то по-осеннему светло
Расхаживают дворники с граблями.

Вот-вот закончится сезон в лесу,
Листы сожгут за опустевшим сквером,

И пусто станет, словно обнесут
Привычный мир намокшею фанерой.

А ты спешишь знакомое открыть,
Повтор найти в обетованном деле,
Но памяти твоей, Макиавелли,
Дано запомнить, но не повторить.

Не выплыви сейчас, плакучий сквер,
А затеряйся в кладовых явлений,
Там, в киноленте нулевых биений,
Его запомнил твой секундомер.

Вон брошенная скрипнула качель,
И обнажилось чувство болевое,
Когда по днищу цвиркнула капель,
Упавшая в озерце дождевое.

Забудешься, но тонкий ветерок
Прогорклостью и сыростью повеет,
Так памяти прозрачной камелек
Тебя притянет, но не обогреет.

Каким гаданьем мне отведено
Себя ловить в мгновениях прекрасных,
И даже сердцу, сердцу не подвластных, —
Лишь нулевым биением его.

СОДЕРЖАНИЕ

Земля любимая до боли...	5
Кувекушка	7
«Мое начало не с окраин...»	8
Земле	9
«Исполнен ребячьего хмеля...»	11
Старое фото	13
«Какое счастье — головокруженье...»	16
«Тропа и стог...»	18
«Баян, уважаемый всеми...»	20
Рогозинская мыза	21
«По избам, на стенах заветных...»	22
Вечерний звон	23
Метла	25
«Эй, проснись и беги со двора...»	27
«Вошел, упал в сенной навал...»	28
«Колода дров. В росе, в озоне...»	29
«Выгон. Скот за жердями...»	30
«И приветливость во взгляде...»	32
«Обидели. Спрячу обиду...»	34
«Коль глядеть от буерака...»	36
«Суземное хмурое жито...»	37
Обойдѐна	38
«Разошлись с поминок гости...»	40
«Пожелаю быть богатым...»	41
Кочевник	42
Шофер	44
«Там, где тянутся к небу скрипучие сосны...»	45
Псковщина	46
Старые слова	48
«Поэзия не в филантропстве...»	49
На литературных мостках	51
«Седое небо над холмом седым...»	53
«Не дрожал, как осиновый лист...»	55
«От мусора очищены дворы...»	57
«Опять дрожащие, весенние...»	59
Кукушка	60

Смерть жаворонка	61
«Сгребем ведильё в огороде...»	63
Волчья песня	64
«К земле прислушаюсь — гудит...»	65
«Средь земляничника веселого...»	66
«Дорога через жито...»	67
Россия	68
«Во время оное, когда...»	69
«Крутояр. Березы. Поле...»	71
«Облака проплывали, и я говорил: «Облака...»	72
«По небу птичья клинопись...»	73
Нулевое биение (неоконченная поэма)	74

Литературно-художественное издание

Владимир Тимофеевич Поташов

КУВЕКУШКА

С т и х и

Редактор **С. А. Печеник**
Художник **В. П. Кравчук**
Технический редактор **Р. П. Макарова**
Корректор **Е. С. Захарова**

Сдано в набор 13. 06. 95 г. Подписано к печати 14. 07. 95 г. Формат 60×84 1/32. Бумага типографская. Гарнитура Литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 2,44. Тираж 500 экз. Заказ 1309. Цена договорная.

650099, г. Кемерово, пр-кт Кузнецкий, 25.
Издательство «Сибирский родник».
650020, г. Кемерово, ул. Н. Островского, 17.
Типография УВД.

Следующей книгой в серии «Русская сибирская поэзия» выйдет книга стихов Галины Золотанной «Гнездо».

4p.